

Гея Коган – автор со сложившимся характером. Её поэтический мир проявлен сквозь призму художнического видения – стихи выстроены, словно картины живописца, переходишь от одной к другой и постигаешь красоту жизни. А вперемешку с яркими красками этих картин – житейский разговор, характеры, судьбы, привлекающие нас – вслед за автором – своей психологической достоверностью.

Д. Ч.

* * *

Отпустят, простят – и минуту спустя,
прослушав советы, глотая вопросы,
помчишься наружу, где лепет дождя
и в щёку его поцелуй мокроносый.
Осудят – наверх, в галерею палат,
где лампы молочные, тихо и чисто
и где начинается странный театр:
в нём каждый стремится сыграть оптимиста.
Сидишь напряжённо. Отводишь глаза
от близких, у них замечая тревогу,
и вкось от окна пролегла полоса,
меж стульев и стен намечая дорогу.
Журнальное чтиво всегда под рукой,
и взгляд машинально скользит за строкою,

но вязнет меж знаков... Приёмный покой,
где ни для кого не бывает покоя.

ЛОШАДИ

Под небом ничего не создано напрасно:
ни малого жучка, ни рыси золотой;
все твари хороши, но лошади – прекрасны
хранимою в веках, античной красотой.

Как скульптора триумф – покатошь и холмистость
их тел, и струны ног, и ветер вольных грив,
и сыплется с дерев осеннее монисто,
когда они летят, простор заполонив.

Конь мчится и храпит, вытягивая шею,
изранив шёлк травы ударами подков;
порвавший поводя и сбросивший жокея,
мустанга дикий нрав пленён во тьме зрачков.

Хоть вскачь во весь опор, хоть шагом на парады,
в полынь и глинозём, в брусчатку площадей;
свобода – вот их корм, а жаркий бег – награда,
и выше не найти, и слаще, и полней.

Когда ж приходит смерть, их бег всё так же длится
туда, за горизонт родной, степной страны.
Затем и к небесам мы поднимаем лица,
где звёздные в ночном пасутся табуны.

ПУСТЫРЬ

И этим пустырям недолго пустовать,
на плане городском их век давно отмерен.
Некошеной травы зелёная кровать.
Окраинных домов недалёкий светлый берег.

Такие пустыри не так уж и пусты –
обычная вина поспешного сужденья:
шиповника с краёв пожухлые кусты,
кудрявый зверобой, сиреневый репейник;

как семечек лузга, мелькает вороньё,
гуляют не спеша нарядные сороки...
Угрюмая земля, но я люблю её,
как юга жаркий взгляд, как север волоокий.

В застолье городском сухарь, а не пирог,
но голод утолить поможет хоть немного:
окраина слизнёт оставшийся кусок
и крошки обмахнёт разъезженной дорогой.

Бульдозеры порвут затишье на куски.
Он обречён, пустырь, но примет без обиды,
что скоро пробегут ребячьи башмачки,
где заячьи следы пока травой скрыты.

СТАРЫЙ ПОДЪЕЗД

Мой старый подъезд, ты меня не признал,
а мне-то мечталось – домой.
Ты стал равнодушно-суров, как вокзал,
где каждому каждый – чужой.

Сегодняшний сор перемешан с золой
когда-то разорванных пут,
но бусы на горле стянуло петлёй,
и туфли, как новые, жмут.

Ступаю во двор, как в чужое жильё,
чужое парное тепло...
Вот здесь, меж балконов, сушилось бельё,
а в оттепель с крыши текло.

Здесь колокол по уходившим звонил
из тёмных глубин бытия,
но стёрта ладонями с гладких перил
дактилоскопия моя.

Что, думалось, время, твоей ворожбе
один в заповедное взгляд!
Но если нельзя возвратиться к себе,
возможен ли к стенам возврат?

А память беспечно крутила кино,
приладив экран во дворе,
но таяла радость быстрее эскимо
на липкой, не майской жаре.

И не с кем уже завязать разговор,
и некому бросить: «Прости!»
Как в реку, так в старый захламленный двор
заказано дважды войти.

БРЕМЕН. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Облако серой мышью луну обгрызло –
скромная трапеза, а итог – невесёлый.
Небо грубой иглой прошито без смысла –
на полотне в беспорядке блестят проколы.

Жизнь свернулась в уютный и тёплый кокон,
даже почти не слышно пёсего брёха.
Лишь телевизоры шарят фосфорным оком
за переборкой штор – такова эпоха.

Кот бездомный пробует голос робко
и замолкает, видя, что труд напрасен.
Трамвай кочергой взбодрит остывшую топку,
выбьет горстку искр и вновь уйдёт восвояси.

В центре в сотах равно мёда и воска.
Капли стекают вниз, застывая разом.
Циклоп одноногий томится на перекрестке
и от скуки меняет окраску глаза.

В тёмной реке мозаику пёстрых лилий
Ветер разрушил, воду взморщив неловко.
Лунный огрызок наколот иглою шпиля,
как всем известный бесплатный сыр в мышеловке.